

Письменный Юра

Выпуск подготовил Сергей МНАЦКАНЯН.

Мы — из одной студенческой компании Ленинского пединститута. В нее входил Юлик Ким, на наши сборища заглядывал и Юра Визбор. Компания была озорная и насмешливая, поющая и размышляющая. В своей повести "От Красных Ворот" (по-моему, из лучших у него) Юра Коваль с нежностью и юмором вспоминает ту пору. На короткое время после института его устроили в Министерство просвещения. Видеть его за казенным столом было странно, мы сразу спустились в буфет. Но вот смотреть на него в мастерской, когда поставлена долгоиграющая пластинка Баха и Юра под нее работает час за часом, — любо-дорого. Он раньше проявил себя в живописи, чем в прозе. Начинались 60-е: после серых и скучных лет кое-что тогда сильно изменилось. Пробудился интерес к краске и к самым разным современным манерам — от Рабина до Краснопеццева. Картины попали в фокус общественного внимания. Юре уже тогда было что показать. Из Татарии, где он год проучительствовал, он привез абсолютно "свои" рисунки, лаконичные и вы-

Гео сильный дебют не представить без ближайших друзей. Ими были замечательные молодые скульпторы, работавшие тогда вместе: Володя Лемпорт, Коля Силис и Дима Сидур. (Юра меня с ними и познакомил.) На первой своей выставке Юра был по справедливости представлен их учеником. Одно время Юра увлекался керамикой. У меня висят два его очень удачных блюда той поры: желто-синее, где как будто возвышаются кипарисы, и южно-цветастое, которое может вызвать ассоциацию с полным яств грузинским столом. Когда мы последний раз говорили с Юрой, в мае, он спрашивал, целы ли эти "тарелки". Когда я впервые попал в пединститут, на стене висела газета "Молодость", и в ней — "Домбайский вальс" Юры Визбора. Самым живым местом в институте было литобъединение; тяга к гитаре и авторской песне проявилась у нас рано. И Юра ходил с гитарой. Пел на всех наших сборищах, выделялся прозой. Он шел от Зошенко. Его слово было пародийным.

Шел он от Зошенко, а пришел к тому, что вообще не имеет аналогии в нашей прозе. Я имею в виду роман "Суер-вьер", который появится в журнальном варианте в сентябрьском "Знамени". Там были напечатаны большие фрагменты из романа.

дети разных народов, хватало одаренных ребят-евреев, со многими из них Юра дружил (что тогда не поощрялось). Юра со смехом рассказывал, как был на чисто еврейской свадьбе нашего товарища в подмосковном поселке: православных было только двое — и на него все смотрели. Другой пример не такой веселый. Юра со смущением говорил, что редактор вычеркивал из повести "От Красных Ворот" каждую подозрительную фамилию. Тем не менее он настоял, и в милые годы застоя в тексте появилось имя умершего друга: "А Гришка-то Фельдблюм?" (Кстати, теперь после "Суера-вьера" герой романа Лоцман Кацман вполне может стать фольклорным персонажем.) Но я о другом. В настоящей художественной прозе подобные перечни — сверхлирические отступления — вообще редкость. А последним из ребят назван наш общий дорогой друг: "А Валерка Агриколянский?" Душой и центром нашей компании был. Сын расстрелянного в 1937 году красного командира, происходившего из семьи сельских дьячков. Алексей Федорович Лосев, преподававший нам латынь, с торжеством произносил эту латинскую фамилию. Был у нас с Юрой долгий задушевный разговор в кафе у метро "Аэропорт". Он сердечно и дотошно расспрашивал меня о моем отце, венгре из провинции. Молодым идеалистом тот в 1919-м пошел в революцию; позже, при Хорти, шесть лет просидел в фашистской каторжной тюрьме; а потом, у нас, был год в тюрьме на Таганке. Из Таганки он вышел, она осталась в нем навсегда: после нее родина социализма предстала такой, какой и была. Как-то кто-то высказался в духе шаблонов нашей тогдашней пропаганды о Германии, и Юра, такой мягкий по натуре, неожиданно взорвался: "Да что вы знаете о современных немцах. Там столько исключительно милых людей..." Он-то знал. В Германии его оценили выше, чем здесь. Нашелся издатель, который захотел издать все, что Юра написал, что напишет. И была (как и повсюду) женщина, которая его любила.

У Юры была редкая особенность: он легко и очень близко сходил с людьми много старше себя. Назову лишь троих, кого уже нет: **Юрий Домбровский**, поморский сказочник **Борис Шергин**, **Арсений Тарковский**. И это было не приятельство, а именно творческая дружба — пошлюе в нашем обиходе словосочетание, которое именно тут получало подлинный смысл: встреча творцов. Мы можем судить об этом хотя бы по тому, что А.А.Тарковский нарисовал отличный портрет Юры и написал заметку "О моем друге". Старого поэта восхищал и изумительный "Недопесок", а представляя "Самую легкую лодку в мире", он прежде всего отмечал ее светлый юмор. В ЦДЛ проходила читка и обсуждение первых глав повести. Не спеша и без нажима Юра читал

Моск. комсомолец, - 1995, - 11 окт. - с. 8.

О ЮРЕ КОВАЛЕ

У него было много близких друзей...

На фото справа налево: Юрий КОВАЛЬ, Юлий КИМ и юс Владимира ЛАКШИНА.

разительные. На том, что он мне подарил, скобоченная и живая деревенька на горке у реки: красота, как часто у него, открывается в самом заурядном, а то и неказистом. Из его тогдашних картин самая интересная, на мой взгляд, серия импрессионистских пейзажей Москвы. Ему нужен был отклик зрителя: он просил водить к нему тех, кому может быть любопытна его живопись. Я приходил к нему со Львом Копелевым, Ефимом Еткиным, Евгением Гнединым, со многими еще. И помню: всех поражали в картинах не только краски и свет, острый глаз и свой мир, не только даже ощущение жизни как праздника, но и то, до чего много успел художник-дебютант за несколько лет.

Повторил: не пропусти "Знамя".

Если с чем-то и сравнивать этот роман, то с путешествиями Пантагрюэля и скитаниями Гулливера по запредельным мирам. Диковинная команда на корабле "Лавр Георгиевич" открывает диковинные острова. Но дело-то в том, что и на борту, и на далеких берегах все наше, родное, российское, советское. Сильная фантазия, редкая сегодня; язык — на острой грани между книжно-словесным воляпюком и ядреным, смачным, точным словом, выхваченным из жизни; юмор — очень забавный, охальный и меткий. Но за ним размышления не о текущем дне, а о российских веках.

В нашем девчоночьем институте учились

главу за главой, а когда дошел до "Людей в шляпах" (там обыгрывалась реальная и очень занятная работа его сотоварища-скульптора), весь зал уже покатывался со смеху. Юра был художник шукшинского пошиба: ему, блестящему прозаику, было мало прозы, он стремился высказаться и в других искусствах, овладев ими профессионально.

"Когда человек умирает, изменяются его портреты..."

Что ж, так бывает, но не всегда. И Юра всегда будет смотреть на нас таким, каким мы видим его на фотографии в "МК": удивительным человеком, удивляющим мир.

Михаил ЛАНДОР.